РАЗДЕЛ VI
РАЗВИТИЕ ПОЭЗИИ НА УРАЛЕ

Т. Н. Масальцева (Пермь), Е. К. Созина (Екатеринбург)

«Искусство песнопенья» в провинции: Павел Размахнин*

В русскую поэзию конца 1820-х – начала 1830-х гг. нередко приходят выходцы из мещанской и купеческой среды, в том числе и провинциальной (см. об этом: [8, с. 31]). Одним из таких поэтов стал пермяк Павел Емельянович Размахнин (1796–1834), родившийся «в семье Емели Размахни, плотницкого мастера Егошихинского медеплавильного завода. Прозвище отца стало фамилией сына» [34, с. 140]. Павел Размахнин учился в Пермской мужской гимназии. «Как ни старался плотницкий мастер Егошихинского медеплавильного завода Емеля Размахня приучить сына к своему ремеслу, Павел, после окончания Пермской гимназии, немало лет проработав с отцом по ремонту плотин на прудах казенных заводов, к отцовскому делу душой не прикипел» [30, с. 127].

В 1818–1823 гг. Размахнин учился в Казанском университете, но окончил его только в 1826 г. С 1823 г. служил в Оренбурге, преподавал русскую словесность в Оренбургском уездном училище. В Оренбурге же Размахнин стал членом литературного кружка и оренбургского тайного общества на основе масонской ложи, инициатором которых был поэт и этнограф П. М. Кудряшев. Свой интерес к описанию жизни иных народов, проживающих на территории многонациональной Оренбургской губернии, Кудряшев разделял со многими членами своего кружка, в том числе и с Размахниным. На их дружеские отношения указывает адресованное Размахнину стихотворение Кудряшева «К Размахнину.

* Статья выполнена в русле проекта РГНФ № 16-14-00118 «На границе литературы и факта: языки самоописания в периодической печати Урала и Северного Приуралья XIX – первой трети XX века».

© Масальцева Т. Н., Созина Е. К., 2017

При посылке повести: Пугачев» («Люблю, люблю я петь – простую / Беседу молодых друзей, / Непринужденность золотую / И чашу дедов круговую / И нектар виноградный в ней») [6]. Как пишет П. Е. Матвиевский, Размахнин «постоянно снабжал молодого аудитора (Кудряшева. – *Т. М., Е. С.*) журналами, книгами и всячески содействовал, по словам П. П. Свиньина, "скорейшему развитию его способностей"» [7, с. 301]. «Приятель Феонова, он был ближайшим другом Кудряшова, душеприказчиком и публикатором его наследия» [4, с. 8]: после смерти Кудряшева стал хранителем его литературного архива, занимался публикацией литературных произведений и этнографических очерков писателя в журналах «Вестник Европы», «Отечественные записки», «Заволжский муравей».

Затем Размахнин преподавал русскую словесность в Уфимской мужской гимназии. В 1827 г. он вернулся в Пермь и устроился учителем истории, географии и статистики в Пермскую мужскую гимназию, дружил с пермским поэтом и учителем гимназии В. Т. Феоновым. В материалах по истории Пермской гимназии указано: «Старший учитель истории, географии и статистики Павел Емельянович Размахнин, из обер-офицерских детей, действительный студент Казанского университета, на службе с 1823 года. В Пермской гимназии с 1827 года» [33, с. 93].

Свои произведения, в основном поэтические, а также публицистику Размахнин публиковал в журнале «Заволжский муравей», который в 1832–1834 гг. издавался в Казани (см. об этом, напр.: [1]). Основными темами журнала были промышленность, торговля, история, культура и народы Казанской губернии, но представлены были и собственно литературные тексты, как стихотворные, так и прозаические, а также литературная критика (см. также: [32]).

Чаще всего стихотворения Размахнина публиковались в журнале за подписями *Р.*, *Р…н*, *-н*, *Разм.*, поэтому их атрибуция иногда представляется достаточно непростой[1]. В своем поэтическом творчестве Размахнин воспроизводил жанровое мышление литературы начала XIX в. Он использовал достаточно традиционные жанровые формы басни, элегии, послания, романса, твердые формы (триолет, см: [16]), а также распространенные мотивно-тематические комплексы, характерные

[1] Казанские библиографы, авторы росписи журнала «Заволжский муравей» (см.: [3]; роспись размещена также в интернете: [2]), отнесли ряд стихов П. Е. Размахнина М. С. Рыбушкину, что вряд ли соответствует действительному положению вещей, поскольку стилистика произведений выдает их принадлежность Размахнину, а кроме того, редактор журнала Рыбушкин стихов не писал, а был автором целого ряда исторических сочинений и травелогов, также размещенных на его страницах.

для литературы конца XVIII – начала XIX в. и демонстрирующие определенное отставание литературных опытов провинциалов от столичных тенденций, представленных в журналах.

Басни Размахнина «Собака и волк» [17] (см. также: [28; 30; 31]), «Осел и лисица» [18] небольшие по объему, они следуют крыловской традиции и представляют собой аллегорию противостояния двух представителей российского социума с итогом – моралью в последних строчках. Так, в басне «Собака и волк» беседа идет между слугой-собакой и свободным волком, на совет собаки: «Оставь лесную жизнь, иди на барский двор. / Поверь мне, право, служба – вздор!» – волк в финале басни отвечает: «Все хорошо, но ты имеешь господина!» [17]. Остроумен и по-басенному афористичен ответ лисицы на уверения осла в том, что пора перестать считать его ослом: «Дурак всегда дурак, в каком бы ни был чине; / Свинья всегда свинья, хоть в золотой щетине» [18] («Осел и лисица»).

Творчество Размахнина эклектично: в его поэзии присутствуют переходные (от классицизма к сентиментализму) черты, ярко проявляющиеся, например, в стихотворении «Сон». Поэт опирался на сентименталистскую традицию – об этом свидетельствуют образный строй стихотворения (при соприкосновении с реальным миром мир грезы рассыпается, оставляя в душе лирического героя лишь чувство сожаления об утраченных возможностях), элементы аллегорического изображения, поэтический язык (*муза юная*, *лира сладкозвучная*, *сладкогласная*, *объятия тоски*), характерный для сентименталистской поэзии эмоциональный тон стихотворения:

В одежде голубой, простой, без покрывала,
Вдруг муза юная перед меня предстала
С улыбкой нежною, с румянцем на щеках,
И с лирой золотой в прекраснейших руках.
«Прими ее, прими!» – богиня говорила
И сладкозвучную мне лиру подарила <…>
Вдруг лира звонкая из рук моих упала –
И сладкогласная разбилась на куски…
И пробудился я в объятиях тоски [13].

В других стихотворениях Размахнина мотив сна связан с романтической установкой поэта. Во сне героини происходит действие баллады «Ирена и Едвин» [21], навеянной балладами В. А. Жуковского

(«Людмила», «Эльвина и Эдвин», «Светлана»): к спящей девушке является умерший возлюбленный, и только своевременное пробуждение спасает ее от страшных объятий мертвеца. Мотив сна здесь реализуется через характерную для романтической литературы систему оппозиций (жизнь – смерть, явь – сон и др.).

Аллюзии на конкретные стихотворения Жуковского несомненны, но Размахнину была свойственна общая ориентация на стилевой облик и поэтическую атмосферу начала XIX в., поэтому в 30-е гг. его стихи выглядят запоздалой данью уходящей эпохе. Таковы драматическая сценка в стихах «Примирение», отнесенная автором к жанру «русской идиллии» [10], два романса, посвященные трогательным отношениям любящих [19] (см. также: [24; 30; 31]), «Русская песня», лирический герой которой обращается к «сердешному другу» Дуне [11]. Пермский краевед А. Шарц указывал, что, по воспоминаниям современников, песни на стихи Размахнина были популярны, в 1830-е гг. их исполняли на семейных вечерах, например, «Вой, ветер осенний, в расселинах гор / Шуми и скрипи, пробудившийся бор…» [34, с. 141]. Излюбленные стихотворные жанры Размахнина, «по преимуществу поэта-лирика» [4, с. 8], – песни, элегии, дружеские послания. Элегические размышления о предпочтении любви богатству представлены в небольшом стихотворении «К***» с последней строфой-моралью:

Нет, счастье не живет в палате:
Ему милее в шалаше;
Оно не в почестях, не в злате,
Оно в любви, оно в душе [26].

Урал получил определенное отражение в стихотворстве Размахнина. Под некоторыми его произведениями стоит указание на место пребывания автора – Пермь. А последнее стихотворение из лирического цикла «Элегия. Мечта. Родина» [15] (см. также: [30; 31]) содержит воспоминания о родине, и для лирического героя Размахнина эта родина – Урал:

Снегов громады на вершинах
Рифейских исполинских гор,
Ручьи, бегущие в долинах,
Непроходимый, мрачный бор… [15, с. 310].

В стихотворном «Отрывке из повести: Заречин. (К Лилете)» [25] рассказывается история офицера Заречина, проживающего в Перми и спасшего тонущую в реке девушку.

Характерным примером послания является стихотворение Размахнина 1827 г., посвященное оренбургскому поэту А. П. Крюкову, охарактеризованному в качестве автора «прекрасной пьесы “Пловец”», опубликованной в журнале «Благонамеренный» [5], сюжет которой был навеян романсом Жуковского «Пловец». Автор высоко оценивает творчество Крюкова: «Любимец прелестных Муз, / Тобой восхищаюсь я! / Твоими талантами, / Игрою мечтания / Любуюсь, пленяюся» [27, с. 32].

Послания Размахнина дают наиболее разнообразную палитру художественности его творчества. Зачастую они содержат дружеские наставления, как в «Отрывке из послания к другу», где, рассуждая о несовершенстве нравов света («Не любят рассуждать, / На совесть часто плюют / И любят щегольство, / Кокетство, мотовство»), автор послания дает другу добрый совет: «Чтоб менее скучать – / Ты не ленись читать» [12]. А создавая провинциальные типажи, Размахнин мог использовать и сатирические приемы. Так, в послании К. И. Аг-ву воспроизводится галерея портретов провинциальных невест, но похвала невесте сочетается с ироничным перечислением и оценкой ее «достоинств»:

Вот первая красотка,
Веселая Адель,
Язык ее трещотка,
А голосок свирель,
Женюсь? Но по грехам,
Она моим ушам
На час не даст покоя [20, с. 702].

Кроме собственно поэтических текстов Размахнин пробовал себя в жанре информативного письма-заметки и этнографического очерка. Так, в «Отечественных записках» П. П. Свиньина, где часто публиковался его друг П. М. Кудряшев, рядом со статьей еще одного оренбуржца, А. П. Крюкова, было напечатано «Письмо из Оренбурга от г. Размахнина. О концерте» [9], где рассказывалось об инструментальном концерте в пользу бедных, проведенном в городе. Более интересна опубликованная в «Заволжском муравье» зарисовка «Картина башкирской жизни» (1832) [14] (см. также: [29; 22]), изображающая быт и нравы башкир. Она привлекает эмоциональностью и поэтичностью описаний наряду с их

контрастностью, поскольку автор использует разные типы нарратива – информативно-этнографический и художественный.

В начале очерка дается довольно точное представление образа жизни и быта народа: «Башкирцы, по образу жизни своей, принадлежат к полукочевым народам, т. е., они в зимнее время живут оседло в деревянных хижинах, а летом в войлочных юртах (кошах), переносимых с места на место. <…> Башкирские деревни построены без всякой симметрии; домы их (за исключением весьма немногих, принадлежащих богатым людям) делаются на скорую руку, довольно непрочны и весьма тесны… Каждая хижина имеет от 3 до 4 небольших окошек… Внутри хижины … сделаны из набросанных кое-как досок широкие лавки (нары)…» [14, с. 156–157] и т. д. «Зимняя жизнь башкирцев совершенно единообразна и весьма неприятна; в это время они много терпят от холода, голода и других физических причин» [14, с. 158]. Но «Наступает прелестная весна, – наступают и удовольствия башкирцев: они оставляют свои зимовища и выходят на кочевье. В продолжение весны, лета и до глубокой осени башкирцы ведут жизнь приятную, веселую и мало заботятся о будущем» [14, с. 158]. В доказательство намечающейся пасторали автор дает «прелестнейшую картину» весенне-летнего кочевья башкир, которую он сам наблюдал по дороге из Оренбурга в Пермь. Картина живописна и направлена на пробуждение визуального воображения читателей, построена как единое синтаксическое целое: «Представьте себе высокие горы, покрытые густым лесом, зеленые и цветущие долины, шумящие ручьи или целые реки и обширные озера – и вы будете иметь понятие о местах, занимаемых в летнее время кочевьем башкирского народа; прибавьте к тому разбросанные в разных местах юрты, из которых выходит тонкий дым и расстилается по вершинам гор; многочисленные стада коз, овец, коров и табуны лошадей; их рев, ржанье и топот – и в воображении вашем составится картина, возбуждающая приятное мечтание о давних мирных временах и беззаботном хозяйстве патриархального века» [14, с. 159]. Таким образом, «патриархальный» народ «башкирцев» для автора – это своего рода зримая метафора ушедшего прошлого человечества, настоящее его неприятно и неопрятно, как жизнь кочевого племени зимой, но летом она позволяет предаться сладостным мечтаниям о возможности «золотого века». Наукообразный слог соответствует зимнему «настоящему» – и установке на достоверное познание чужого этноса, актуальной для времени автора-повествователя; поэтическая картина, призывающая к любованию ею, – ушедший, но еще присутствующий в его сознании идеал, который не требует объяснений, его можно дать в той поэтике

«живых картин», что была распространена в русской литературе XVIII-го и на рубеже с XIX в. и достигла расцвета в сентиментализме. Стилистике последнего как в стихах, так и в прозе и следует Размахнин, перебивая ее, однако, этнографически верными фрагментами – в духе аналогичных очерков других авторов, публиковавшихся в «Заволжском муравье».

В том же журнале был опубликован критический разбор Размахниным стихотворения Д. Г. «К луне. (Подражание Байрону)», напечатанного в «Сыне Отечества» за 1825 г. Во вступлении он честно отмечал, что провинциальным читателям свойственно получать столичные журналы с изрядным опозданием, потому его отклик на стихотворение Д. Г. запоздалый, но необходимый, т. к. данное стихотворение, по мнению рецензента, не соответствует репутации журнала («В “Сыне Отечества” всегда помещаются отличные стихотворения»): «Облаченный в тройную броню терпения – (кто поверит?) я несколько раз прочитал стихотворение “К Луне”, но, несмотря на телескоп размышления, не нашел в этой планете ничего, кроме темных пятен… нарушения как ритма, так и канонов русского литературного языка» [23, с. 175]. Разбор Размахнина немногим отличался от критических статей, помещенных на страницах журнала и принадлежащих перу В. Б. Веселли, Г. Н. Городчанинова и др.

Сведения о биографии и творчестве П. Е. Размахнина, «связующего звена между камскими и южноуральскими поэтами» [4, с. 8], весьма скудны. Известно, что пермский пожар 1842 г. уничтожил многие его произведения, оставшиеся в рукописях.

Список литературы

1. *Аристов В., Ермолаева Н.* Все началось с путеводителя… : поиски литературные и исторические. Казань : Изд-во Казанского ун-та, 1975. 222 с.

2. Заволжский муравей : [роспись содержания]. [Электронный ресурс]. URL: http://libweb.kpfu.ru/z3950/lsl/muravey/rospis.htm (дата обращения: 10.06.2016).

3. Казанская периодическая печать XIX – начала XX века : библиогр. указатели. Казань : Изд-во Казан. ун-та, 1991. 87 с.

4. *Конецкий Ю.* Парнасский ключ // Русская поэзия Урала XVIII–XX веков : в 3 т. Т. 3. М. : Моск. писатель ; Екатеринбург : Урал. рабочий, 1999. С. 7–12. (Антология цеха поэтов).

5. *Крюков А.* Пловец // Благонамеренный. 1823. № 3. С. 110–111.

6. *Кудряшев П.* К Размахнину. При посылке повести: Пугачев // Вестник Европы. 1828. № 20. Окт. С. 271–272.

7. *Матвиевский П. Е.* Очерки истории Оренбургского края XVIII–XIX веков. Оренбург : Оренб. кн., 2005. 375 с.

8. Поэты 1820–1830-х годов : [сб.] : т. 1–2. Т. 1. Л. : Сов. писатель. Ленингр. отд-ние, 1972. 792 с.

9. *Размахнин П. Е.* Письмо из Оренбурга от г. Размахнина. О концерте // Отечественные записки. Ч. 30. 1927. № 84. Апр. С. 153–155.

10. *Разм…н П. <Размахнин П. Е.>*. Примирение : (русская идиллия) // Заволжский муравей. 1832. Ч. 1. № 1. С. 21–29.

11. *Раз-н П. <Размахнин П. Е.>*. Русская песня // Заволжский муравей. 1832. Ч. 1. № 2. С. 81–82.

12. *Р-н <Размахнин П. Е.>*. Отрывок из послания к другу // Заволжский муравей 1832. Ч. 1. № 3. С. 134–139.

13. *Раз-н <Размахнин П. Е.>*. Сон // Заволжский муравей. 1832. Ч. 1. № 3. С. 139–140.

14. *Раз…н <Размахнин П. Е.>*. Картина башкирской жизни // Заволжский муравей. 1832. Ч. 1. № 3. С. 156–159.

15. *Раз...н.* Элегия. Мечта. Родина // Заволжский муравей. 1832. Ч. 1. № 6. С. 306–307.

16. *Р…н.* Триолет // Заволжский муравей. 1832. Ч. 1. № 8. С. 439.

17. *Раз...н.* Собака и волк // Заволжский муравей. 1832. Ч. 2. № 8. С. 434–435.

18. *Раз...н.* Осел и лисица // Заволжский муравей. 1832. Ч. 2. № 8. С. 435.

19. *Р-н.* Романс // Заволжский муравей. 1832. Ч. 2. № 11. С. 600.

20. *Р-н.* К И. Аг-ву // Заволжский муравей. 1832. Ч. 2. № 13. С. 702–707.

21. *Р-н.* Ирена и Едвин : (баллада) // Заволжский муравей. 1832. Ч. 2. № 16. С. 872–877.

22. *Размахнин П.* Сведения о башкирцах // Московский телеграф. 1832. Ч. 48. № 21. С. 274–275.

23. *П-л Р-н <Размахнин П. Е.>*. Письмо к издателям // Заволжский муравей. 1833. Ч. 1. № 3. С. 171–177.

24. *Р-н.* Романс // Заволжский муравей. 1833. Ч. 1. № 6. С. 330–331.

25. *-н <Размахнин П. Е.>*. Отрывок из повести: Заречин. (К Лилете) // Заволжский муравей. 1834. Ч. 1. № 1. С. 20–31.

26. *Размахнин П. Е.* К*** // Заволжский муравей. 1834. Ч. 2. № 11. С. 156.

27. *Размахнин П.* А. П. Крюкову (1827 года) // Заволжский муравей. 1834. Ч. 3. № 17. С. 32–36.

28. *Размахнин П. Е.* Собака и волк // Поэты Урала : антол. : в 2 т. Т. 1. Свердловск : Сред.-Урал. кн. изд-во, 1976. С. 39–40.

29. *Размахнин П. Е.* Картина башкирской жизни // Башкирия в русской литературе : в 6 т. Т. 1. Уфа : Башк. кн. изд-во, 1989. С. 375–377.

30. *Размахнин П. Е.* Родина. Песня. Романс. Сон. Собака и волк // Русская поэзия Урала XVIII–XX веков : в 3 т. Т. 3. М. : Моск. писатель ; Екатеринбург : Урал. рабочий, 1999. С. 127–132. (Антология цеха поэтов).

31. *Размахнин П. Е.* Собака и волк. Русская песня. Элегия. Мечта. Триолет. Романс // В лампаде камских вод звезда. Пермь : Пушка, 2002. С. 77–81. (Библиотека пермского краеведа).

32. *Созина Е. К.* Репрезентация Восточной России на страницах казанского журнала «Заволжский муравей» (1832–1834) // Литературный процесс в региональной периодической печати 1830–1930-х гг.: от «Заволжского муравья» к «Уральскому рабочему» : коллектив. моногр. Екатеринбург : Кабинетный ученый, 2016. С. 242–278.

33. *Фирсов Н. А.* Материалы для истории Пермской гимназии, собранные и обработанные Н. А. Фирсовым. Пермь : Тип. губ. зем. управы, 1894. 896 с.

34. *Шарц А. К.* Поэт-лирик // Календарь-справочник Пермской области на 1966 год. Пермь : Перм. кн. изд-во, 1965. С. 140–141.

35. *Шмаков А. А., Шмакова Т. А.* Урал литературный : крат. биобиблиогр. слов. Челябинск : Юж.-Урал. кн. изд-во, 1988. 366 с.

И. В. Козлов (Екатеринбург)

Литературный отдел газеты «Уральская жизнь» в 1917–1919 гг.: временная и пространственная трансформации повседневности*

Газета «Уральская жизнь» дольше других дореволюционных газет издавалась после февральских событий 1917 г., ее выпуск продолжался и после прихода к власти в Екатеринбурге большевиков, и после захвата города белочехами. Газета, основанная в 1899 г., просуществовала до 1919 г. (25 июня был выпущен последний номер). Редактором и издателем ее был Петр Иванович Певин.

В тот период, который нам интересен, произошли существенные изменения. В своих воспоминаниях К. Никитин пишет: «П. И. Певин умер в начале 1918 г. в Харькове. Помимо газеты он любил искусство, театр и в течение ряда лет был казначеем в Русском театральном обществе. По делам этого общества он поехал на несколько дней в Харьков к А. Я. Альтшуллеру, оперному режиссеру, и скоропостижно скончался на улице» [6, с. 156]. В том же журнале, где появились воспоминания Никитина, позже были опубликованы добавления и существенные

* Статья подготовлена в русле проекта РГНФ «На границе литературы и факта: языки самоописания в периодической печати Урала и Северного Приуралья XIX – первой трети XX века», № 16-14-00118.

© Козлов И. В., 2017